

ной Республики Крым // Крымские известия. – 1999. – №64.

7. О Совете представителей крымскотатарского народа. Указ Президента Украины от 18 мая 1999 г. // Крымська світлиця. – 1999. – №39-40.

8. Об утверждении Конституции Автономной Республики Крым: Закон Украины от 23 декабря 1998 г. // Крымские известия. – 1999. – №5.

9. Отчет Совета министров АРК на заседании Верховной Рады АРК 19 мая 1999 г. // Крымские известия. – 1999. – №104.

А. Н. Григорьев

(Крымский факультет Университета внутренних дел)

ТЮРЕМНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ ХХ в.

К концу XIX в. в России назрела острая необходимость усовершенствования пенитенциарной системы государства, которая входила в то время в состав Министерства внутренних дел. Если в 1880 г. Александр II осуществил решительную перестройку МВД, которое заняло главенствующее место в государственном механизме России [7, с. 28], то министр юстиции Муравьев, описывая состояние тюрем в то время, считал, что они за все время существования в России, вплоть до последнего времени, находились в первобытном состоянии [1, с. 347]. В то же время эволюция системы наказаний в России в конце XIX в. была связана с постепенным возрастанием роли тюремных учреждений в осуществлении карательной политики государства.

В 1879 г. в системе МВД России было образовано Главное тюремное управление (ГТУ). До этого централизация тюрьмами отсутствовала [1, с. 10]. В 1880 г. для надзора за деятельностью местными тюрьмами в губерниях были образованы должности тюремных инспекторов [5, с. 237], а в 1890 г. были созданы губернские тюремные инспекции [4, с. 71]. В обязанности тюремных инспекций входили: контроль и надзор за деятельностью местных карательных учреждений; руководство местной тюремной администрацией; возбуждение ходатайств перед ГТУ об удовлетворении нужд местных тюрем; обобщение тюремной практики и представление отчетов в ГТУ [7, с. 133-134]. В связи с возросшим значением прокуратуры в уголовном судопроизводстве в декабре 1895 г. ГТУ вместе с многочисленной и

сложной системой тюрем было передано из МВД в Министерство юстиции [5, с. 217].

К началу XX в. на территории Украины находилось 104 тюрьмы «общего устройства» [6, с. 266], а в пределах Таврической губернии действовали 7 тюремных замков: в Симферополе, Мелитополе, Бердянске, Феодосии, Перекопе, Евпатории и Алешках (нынешний г. Цюрупинск Херсонской обл. — А. Г.). Последние два (в Евпатории и Алешках) помещались в частных зданиях. Кроме того, в г. Ялте при земском арестантском доме имелось специальное помещение (арестантское отделение) для 20 следственных арестантов [9, л. 28], а в Симферополе — исправительное арестантское отделение (6, с. 269) которые наряду с тюрьмами, также считались местами лишения свободы [3, с. 148]. Севастопольская и Керченская тюрьмы не находились в ведении Таврической губернской инспекции. В частности, Керченский тюремный замок, существовавший с 1863 по 1919 гг., находился в ведении Керчь-Еникальского градоначальства и самостоятельно осуществлял переписку с ГТУ [10, л. 28].

Перечисленные тюрьмы губернии были рассчитаны (по кубическому содержанию воздуха): Симферопольская — на 400 человек, Бердянская — 120, Мелитопольская — 102, Перекопская — 100, Феодосийская — 75, Евпаторийская — 25 [9, л. 28]. Однако постоянным спутником тюремного быта России являлось чрезмерное переполнение тюрем. По состоянию на 1.01.1892 г. переполнение тюрем по стране составляло 24% [7, с. 123]. Такая тенденция продолжала сохраняться и в начале XX столетия, а по Украине и в Крыму ситуация была еще более сложной. Так, в январе 1910 г. в Мелитопольской тюрьме находилось 220 арестантов (рассчитана на 102), Бердянской — 193 (120), Евпаторийской — 67 (75), Феодосийской — 105 (75), Алешковской — 202 (120), Симферопольской — 501 (400) [11, л. 2-4, 20, 54].

Устав о содержащихся под стражей 1890 г. содержал перечень мест лишения свободы гражданского ведомства и указывал четыре вида контингента лиц, которые подлежали раздельному содержанию в этих учреждениях [3, с. 148]. Однако такое чрезмерное переполнение тюрем, согласно доклада начальника Феодосийской тюрьмы в губернскую инспекцию в январе 1910 г., не давало возможности не только содержать различные категории арестантов по перечисленным видам мест лишения свободы, но даже возможности их раздельного нахождения в условиях одной тюрьмы [9, л. 31]. Вся арестантская масса содержалась без разделения по категориям, и следственные арестанты были в

одних камерах с осужденными, приговоренные к кратковременному аресту — вместе с каторжными [1, с. 345].

В сведениях о количестве арестантов отдельно указывалось число лиц мужского пола и женского. Полной изоляции женщин от мужчин в местах лишения свободы не было. Обычно женщины помещались в отдельных коридорах и камерах, а такое размещение женщин не исключало возможности общения полов между собой [1, с. 385]. Так, во время проверки в начале мая 1908 г. Симферопольской тюрьмы помощником начальника ГТУ в качестве недостатков отмечалось и то, что «камеры в женском отделении тюрьмы всегда отперты» [8, л. 1]. Администрации мест заключения направляли в губернскую тюремную инспекцию большое количество подробной информации по различным категориям содержащихся арестантов, их материально-бытовом и продовольственном обеспечении [9, л. 39, 42, 10; л. 1-3, 15, 62].

Во всех тюрьмах губернии, кроме Евпаторийской, для лечения больных арестантов существовали тюремные больницы. В Евпатории, в случае серьезного заболевания, больные отправлялись в местную земскую больницу. Медикаменты для больных отпускались из казны [9, л. 28]. На содержание больного арестанта отпускатся значительно больше средств, чем на здорового. В 1910 г. губернскому тюремному комитету и уездным тюремным отделениям разрешалось получать из казны усиленную плату на содержание и лечение арестантов в тюремных больницах Таврической губернии [14, л. 8]. Например, 25.01.1910 г., когда Таврическим вице-губернатором Масальским при посещении Мелитопольской тюрьмы были вскрыты серьезные недостатки, единственной положительной записью в книге замечаний было то, что «Пища для больных, а также хлеб оказались хорошего качества» [9, л. 27]. Более-менее удовлетворительным состоянием тюремных больниц объясняется и довольно низкая смертность среди арестантской массы губернии. Так, в 1906 г. из 114 арестантов, находившихся в Феодосийской тюремной больнице, умерших не отмечалось [12, л. 34]. За первое полугодие 1910 г. из 5773 арестантов губернии умерло всего 35 человек (0,6%) [15, л. 51].

Законом от 23.05.1901 г. устанавливался перечень дисциплинарных наказаний за нарушение режима отбывания в местах лишения свободы, в том числе заключение в карцер «светлый» (до месяца) и «темный» (прерывался переводом на 3 дня в «светлый») [3, с. 202-203]. Помещение в карцер широко применялось в таврических тюрьмах за разного рода серьезные нарушения режима. Например, за попытку побега путем разбора

дымохода печи 6.05.1910 г. в Мелитопольской тюрьме, арестант 7 суток содержался в «темном» карцере. В ноябре 1910 г. за оскорбление «Его Императорского Величества» в Бердянской тюрьме арестант был помещен также на 7 суток в «темный» карцер [16, л. 16-17; 130]

Телесным наказаниям подвергались только каторжные (осужденные к каторге) арестанты за нарушения, строго указанные в штрафной книге и только по распоряжению начальника тюрьмы. Так, в течение 1910 г.; из 176 находившихся в Симферопольской тюрьме каторжных, в течение месяца в среднем приходилось 10 телесных наказаний [9, л. 43]. Это говорит о распристращенности в тюрьмах губернии данного вида наказаний.

При наложении на провинившихся арестантов наказаний, администрациями тюрем, нередко допускались нарушения действующего законодательства. Например, 6.11.1910 г. содержащийся в Симферопольской тюрьме арестант был помещен в карцер и одновременно оштрафован (конфискован заработок) за злостное неповиновение требованиям надзирателя. В связи с этим, в своей докладной записке на имя начальника тюрьмы 17.11.1910 г. губернский тюремный инспектор настойчиво предписывал «Вашему Высокоблагородию на будущее время не накладывать на арестантов двойного наказания» [9, л. 583].

Необходимо отметить, что руководство тюремных учреждений губернии большое внимание уделяло вопросам недопущения побегов арестантов. Об этом говорит и тот факт, что за второе полугодие 1909 г. в тюрьмах губернии (5773 арестанта) побегов допущено не было [12, с. 34]. На протяжении следующих 1910-1911 гг. отмечались лишь редкие случаи побегов арестантов во время их вывода на различные хозяйственные работы из тюрем. ГТУ и губернская тюремная инспекция довольно остро реагировали на сообщения о попытках побегов в тюрьмах и требовали от руководства учреждений предоставления информации по каждому такому случаю. Виновные в побегах надзиратели чаще всего подвергались уголовному преследованию за упущение по службе. Побег арестантов совершался во время их вывода на работы за пределы режимных территорий мест заключения [13 л. 3-6; 9-12; 54-69].

Вопросам профилактики побегов из тюрем уделялось значительное место при посещении последних руководителями губернии. Так, исполняющий делаами Таврического губернатора Масальский 28.11.1907 г. во время посещения Мелитопольской тюрьмы отмечал, что «дворы, примыкающие к стенам и постройки тюрьмы, заросли деревьями и кустарником, могут спо-

собствовать побегам» и поэтому требовал немедленно устранить указанные недостатки [9, л. 36].

В случае удавшихся побегов администрациями мест заключения совместно с органами полиции проводились широкие меры розыскного характера. При побегах арестантов немедленно формировались все городские и уездные полицейские управления губернии. В редакцию Таврических Губернских Ведомостей направлялись фотографии и приметы бежавших с целью их обнаружения [16, л. 66]. Все это часто давало положительные результаты и обычно, в довольно короткие сроки, беглецы задерживались. Так, бежавший 6.07.1910 г. из Симферопольской тюрьмы арестант Захаров 19.07.1910 г. был задержан в г. Керчи членами сысского отделения и заключен обратно, а бежавший в этот же день из Феодосийской тюрьмы арестант Бочаров уже в ночь с 13 на 14.07.1910 г. был задержан полицейскими на станции Акимовка Мелитопольского уезда [16, л. 54, 57, 64, 71].

В связи с ростом революционного движения во всей империи общеуголовные тюрьмы еще с конца 70-х гг. XIX в. становились во многих случаях местом заключения для политических арестантов. Известный исследователь царской тюрьмы историк и юрист М. Н. Гернет отмечал, что в этот период истории «тюрьма была оружием в борьбе с религиозными, политическими и общеуголовными преступлениями» [1, с. 46]. Не миновали этой роли и таврические тюрьмы. В 1906 г. только в Феодосийской тюрьме из этого контингента лиц побывало 52 человека (осужденных и подследственных) [9, л. 35-36]. По каждому случаю прибытия или перевода политических арестантов начальники тюрем писали рапорта на имя Таврического губернатора с указанием их данных [17, л. 2-3].

Помещение политических арестантов в тюрьмы в качестве предварительного заключения проводилось чинами жандармерии в порядке возбуждения дознания. Так, 15.02.1908 г. на основании ст. 21 Положения о государственной охране по рапорту начальника Отдельного Корпуса Жандармов Таврического губернского жандармского управления ротмистра Леуса в Симферопольскую тюрьму под стражу был помещен политический арестант Штанберг К. И. [17 л. 9, 12]. Рапорта писались чинами жандармерии на имя начальников тюрем. В основном вся переписка по политическим заключенным оформлялась под грифом «секретно».

Потребности в расходах на содержание мест заключения из года в год возрастали, а ассигнования оставались на прежнем уровне. Например, в 1879 г. на тюремные расходы в империи требовалось 737 тыс. рублей, а было отпущено лишь

177 505 руб. Казалось бы, что часть расходов по тюрьме должна была покрываться доходом от труда заключенных, но никакой организации труда в конце XIX в. в местах лишения свободы не было. Арестанты изнывали от безделья. ГТУ выдвинуло этот вопрос лишь в 1882 г., а законодательное разрешение он получил лишь только 6.01.1886 г. Введенная этим законом плата за арестантский труд, вызвала у заключенных спрос на работу, несмотря на мизерность платы. Но и после этого труд в местах заключения почти отсутствовал и большей частью ограничивался хозяйственными работами по самой тюрьме, колкой дров, вывозом нечистот и пр. Иногда сапожным мастерством и портняжничеством [1, с. 345-346; 375]. Так, начальник Феодосийской тюрьмы докладывал в губернскую инспекцию, что в 1907 г. арестантские работы в тюрьме не производились [12, л. 27]. В Бердянской тюрьме в 1910 г. имелись две мастерские, где ежедневно было занято работой всего 15 арестантов, которые занимались рукоделием (изготовлением скатертей, постельных дорожек, рыболовных принадлежностей) [9, л. 594].

Просветительская работа в тюрьмах сводилась в основном к религиозному воздействию на заключенных посредством распространения среди них книг соответствующего содержания [1, с. 372]. Церковь играла решающую роль в реализации комплекса мер воздействия в местах лишения свободы с целью формирования законопослушной личности. По должностному окладу священник приравнивался к начальнику тюрьмы [7, с. 128]. Для совершения богослужения при Симферопольской, Феодосийской, Бердянской и Перекопской тюрьмах имелись церкви, а в Мелитопольской, Алешковской и Евпаторийской — специально приспособленные молитвенные камеры [9, л. 28].

Накануне XX в. встал вопрос о создании в тюрьмах библиотек [1, с. 373]. Однако он еще долго по существу не решался. Во всяком случае, архивные документы Таврической губернской тюремной инспекции нигде не указывают о наличии библиотек в тюрьмах губернии. Не лучше дело обстояло и со школьным обучением в тюрьмах. Объем преподавания в основном сводился к обучению закону божьему, чтению и письму [1, с. 374].

В общих камерах со взрослыми арестантами находились и подростки-правонарушители (согласно действующего законодательства к уголовной ответственности не привлекались лишь дети, не достигшие 10-летнего возраста). Это явление не было изжито и до 1917 г., так как утвержденные законом от 2.06.1897 г. особые помещения для несовершеннолетних при тюрьмах и арестных домах еще долгое время не создавались [1, с. 379-380]. В губернии было утверждено «Положение о воспи-

тательно-исправительных заведений» (Таврический приют) от 19.04.1909 г., а чуть позже и Симферопольское общество исправительных приютов [9, л. 646-647].

Закон от 13.06.1887 г. ввел в управление тюрьмами на местах кроме начальников и их помощников, помощниц или смотрительниц женских отделений, тюремных надзирательниц (до этого — только мужская стража), а также священников, дяконов, псалмовщиков, врачей, фельдшеров и фельдшерниц [1, с. 17]. Весь этот административный аппарат получал довольно небольшую заработную плату, часто без казенного довольствия обмундированием и продуктами. При таких условиях развивались всякие злоупотребления со стороны тюремной администрации: воровство, взяточничество, смотрители клали в свой карман заработок заключенных, пьянствовали.

В результате проверки Симферопольской тюрьмы в мае 1908 г. помощником начальника ГТУ было отмечено о «непригодности состава тюремной администрации» (неудовлетворительное состояние как административной, так и хозяйственной деятельности; отсутствие дисциплины среди чинов тюремной стражи; неумелое ведение тюремного хозяйства; запущенность в делопроизводстве). Вывод был однозначным — «необходимо немедленно, по возможности, удаления начальника тюрьмы, замены помощника начальника и надзирателей» [8, л. 1-2]. Сменивший бывшего начальника Симферопольской тюрьмы штабс-капитана Баланчивадова новый начальник Павлов-Сильванский также вскоре был уличен в злоупотреблениях служебным положением, растратах и хищениях казенного имущества. В отношении его 28.01.1910 г. было возбуждено уголовное дело (по ст. ст. 339, 341, 354, 362 Уложения о наказаниях) [9, л. 330]. Не редки были случаи увольнений надзирателей тюрем «за небрежности к службе и пьянство при исполнении обязанностей» [9, л. 43].

В 1910 г. число надзирателей в тюрьмах губернии составляло 147 человек. В Симферопольской тюрьме — 50 надзирателей (из них 2 старших), Перекопской — 10 (1), Евпаторийской — 8 (1), Феодосийской — 14 (1), Мелитопольской — 20 (1), Бердянской — 31 (1), Алешковской — 14 (1) (18, лл. 35-36). Надзиратели несли службу на внутренних и наружных постах (18, л. 9). На их вооружении имелись револьверы различных систем (Смита и Вессона, Нагана, Лафегги, Бульдог), винтовки и пашки [18, л. 12]. Их количество было явно недостаточным, и эта недовооруженность носила хронический характер. Так, 3.10.1908 г. из 20 имеющихся на вооружении 45 надзирателей в Симферопольской тюрьме револьверов лишь один был признан

комиссией полностью пригодным к стрельбе (И- А. Г.). Из обмундирования годными к ношению оказались только 6 мундиров, 4 пинели, 8 шаровар. Остальные надзиратели использовали свою гражданскую или армейскую одежду [8, л. 4]. В Алешковской тюрьме из 19 револьверов 7 оказались негодными [18, л. 16]. По состоянию на 12.07.1910 г. по Таврической губернии всего недоставало 20 револьверов и 4 ружей [18, л. 37-38]. Нового оружия в тюрьмы почти не поступало, а лишь передавалось устаревшее из воинских складов [12, л. 138].

Реформа тюремной системы внесла существенные изменения в содержание деятельности учреждений, непосредственно исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы. В дореформенный период их основной целью являлось обеспечение «возмездия за сделанное зло и ограждение общества от новых преступлений». Об этом свидетельствуют содержание функций тюремных аппаратов, а также тот факт, что смотрителями тюрем назначались чины полицейского ведомства, в формах и методах работы которого преобладало насилие. Новая доктрина содержания исполнения уголовного наказания в виде тюремного заключения предусматривала, прежде всего, переориентацию деятельности тюремного персонала, в основе которой предпочтение отдавалось исправительным элементам [7, с. 134].

Бесспорно к началу XX в., как создание нового уголовного уложения, так и усовершенствование пенитенциарной системы, стало существенным шагом вперед в развитии буржуазного права Российской империи. При всех своих недостатках пенитенциарная система на тот момент отражала уровень развития общества в начале XX в. Наряду с новым уголовным кодексом она должным образом защищала интересы не только императорского двора и помещиков, но и укрепившийся буржуазный класс.

Литература

1. Гернет М. Н. История царской тюрьмы. – Т. 3. – М., 1952.
2. Гернет М. Н. История царской тюрьмы. – Т. 4. – М., 1952.
3. Полный свод законов Российской империи. Книга 2. СПб., 1911.
4. Шинджикашвили Д. И. Министерство внутренних дел царской России в период империализма. Омск, 1974.
5. Ерошкин Н. П. История государственных учреждений в дореволюционной России. М., 1968.
6. Ярмыш А. Н. Карательный аппарат самодержавия на Украине: Дис... докт. юрид. наук. Харьков, 1991 г.

7. Органы и войска МВД России. М., 1996.
8. Государственный архив при Совете министров Автономной Республики Крым, ф. 37, оп. 1, д. №86.
9. ГАК, ф.37, оп. 1, д. №261.
10. ГАК, ф. 351, оп. 1, д. №759.
11. ГАК, ф. 37, оп. 1, д. №259.
12. ГАК, ф. 37, оп. 1, д. №11.
13. ГАК, ф. 37, оп. 1, д. №6.
14. ГАК, ф. 37, оп. 1, д. №255.
15. ГАК, ф. 37, оп. 1, д. №335.
16. ГАК, ф. 37, оп. 1, д. №280.
17. ГАК, ф. 37, оп. 1, д. №57.
18. ГАК, ф. 37, оп. 1, д. №114.

Ю. В. Дубко

(Крымский факультет Университета внутренних дел)

СОВЕТСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА ТАВРИДЫ

Советская Социалистическая Республика Тавриды была создана в марте 1918 г. после подписания Советской Россией Брестского мира. Инициаторами ее создания были В. И. Ленин и его ближайшие соратники по ЦК РКП(б) и Совнаркому. В соответствии с Брестским договором они обязались заключить мир и с Центральной Радой, но решили уклониться от этого и продолжить войну с ней от имени Советской Украинской Народной Республики, объявленной в это время самостоятельной. В помощь последней весной 1918 г. создавались и другие буферные «южные» советские республики, в т. ч. Республика Тавриды в пределах Крыма. В распоряжении этой республике формально передавался Черноморский флот для использования его в борьбе с Центральной Радой и ее союзниками — государствами Четверного союза. Целью «тайной» войны было замедлить наступление украинских формирований и австро-германских войск, вывезти в Россию продовольствие и промышленное сырье.

Республика Тавриды являлась нелегитимным государственным образованием, поскольку была провозглашена не съездом Советов Крыма, а ЦИК Советов Таврической губернии. Другого высшего законодательного органа ССРГ так и не получила. Все свелось к формированию Совнаркома этой республики из